

ИСТОРИЯ РОССИИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
2 (2016), 302–314
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
2 (2016), 302–314
© Автор(ы) 2016

«МАГНИТОГОРСКОЕ ДЕЛО» 1949 г.: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНОВ В УСЛОВИЯХ ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

А.Н. Федоров

Челябинский государственный университет, Челябинск,
alnikfedorov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются условия работы местных партийных органов в послевоенный период. На примере Магнитогорского горкома ВКП(б) показано, что основными проблемами были кадровый голод, большой объем работы и активность рядовых коммунистов. В этих условиях минимизировать неизбежные ошибки позволял подбор кадров по знакомству и личные связи с высшим руководством. Однако перестановки на высшем уровне наряду с халатностью местного руководства привели к тому, что запущенность партийной работы в Магнитогорске получила огласку. И поскольку «магнитогорское дело» появилось одновременно с «делом Зальцмана», оно стало причиной замены партийного руководства не только города, но и Челябинской области.

Ключевые слова: послевоенный период, Магнитогорский горком ВКП(б), Челябинский обком ВКП(б), ЦК ВКП(б), А.А. Белобородов, Н.С. Патоличев, Г.М. Маленков

Период «позднего сталинизма» несмотря на обилие исследований по нему продолжает привлекать отечественных историков. В центре их внимания обычно оказываются высшие органы власти и перипетии политической борьбы, развернувшейся на фоне восстановления хозяйства и начала «холодной войны». И особое значение при этом уделяется изложению обстоятельств и последствий различных резонансных «дел» – «авиационного», «ленинградского», Госплана, «врачей», – в которых сплелись как объективные, так и субъективные факторы

Федоров Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Челябинского государственного университета. E-mail: alnikfedorov@yandex.ru

общественно-политической жизни первых послевоенных лет¹. Однако помимо этих общеизвестных эпизодов были и другие, менее масштабные, но столь же знаковые события, по которым можно проследить специфику и эффективность работы местных властей². К их числу относится и замена всего партийного руководства Магнитогорска в 1949 г., которую в соответствии с устоявшейся историографической традицией уместно называть «магнитогорским делом».

Магнитогорский казус примечателен по целому ряду причин. Во-первых, он произошел в крупном индустриальном центре страны, на глазах не только областного, но и высшего руководства, что позволяет прояснить факторы и механизмы работы партийных органов всех уровней (местного, регионального и высшего). Во-вторых, он наглядно проявил те проблемы, с которыми местные партийные органы постоянно сталкивались в послевоенные годы. В-третьих, магнитогорские события не только сказались на жизни города, но и стали одной из причин резонансного «челябинского дела»³. Наконец, в научной литературе «магнитогорское дело» еще не освещалось, и данная статья призвана устранить этот пробел.

Выяснение обстоятельств «дела» следует начать с уточнения того, что же представлял собой Магнитогорск в послевоенные годы. Это был крупный город с 230–250 тыс. жителей по численности населения превосходивший такие областные центры Урала как Курган и Оренбург, и лишь немного уступавший Уфе⁴. Основу его промышленного потенциала составлял Магнитогорский металлургический комбинат, чей удельный вес в общесоюзном производстве на конец войны составлял 27,5 % чугуна, 22,8 % стали и 24,0 % проката⁵. Из-за конверсии и восстановления металлургических предприятий Юга эта доля уменьшилась, но за счет усовершенствования технологии и введения новых мощностей ММК в 1946–1950 гг. в 1,5 раза увеличил объемы производства и сохранил ведущие позиции в отрасли⁶. Помимо комбината в городе имелся десяток заводов (калибровочный, метизный, сеточный, горного и подъемно-транспортного оборудования) и весьма крупный строительный трест. И все это обусловило особое внимание к городу со стороны не только областных, но и высших партийных и государственных органов.

В годы войны в Магнитогорск регулярно наведывались и члены ГКО, и нарком черной металлургии с заместителями, и секретари обкома, благодаря чему ММК и город получали достаточное количество ресурсов. Но с переходом страны на мирные рельсы ситуация резко поменялась. Во-первых, заметно уменьшились объемы централизованного финансирования и снабжения. Во-вторых, текущие вопросы передали в ведение местных органов, которые располагали весьма скромными возможностями, а все перспективные дела стали решать путем долгих и сложных согласований. Конечно, правительство почти ежегодно оказывало серьезную помощь Магнитогорску⁷, но она доходила с опозданием и отнюдь не в

¹ Ваксер 2012, 23–41; Костырченко 2003, 629–694; Пыжиков, Данилов 2002, 208–286; Соболев 2000, 44–58; Хлевнюк, Горлицкий 2011, 84–112.

² Лейбович 2008, 114–177; Сушков 2011, 89–95.

³ Хлевнюк 2004, 240–244.

⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 164. Л. 2; Генин 1956, 24.

⁵ Запарий 2001, 286, 288.

⁶ Галигузов, Чурилин 1978, 83.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 337. Л. 97–104; Д. 353. Л. 224–233; Д. 357. Л. 226–233; Д. 400. Л. 374–377.

полном объеме⁸. И компенсировать эти издержки позволяли личные связи местного и высшего руководства. Благо, что одним из секретарей ЦК ВКП(б) в 1946–1947 гг. был прежний первый секретарь Челябинского обкома партии Н.С. Патоличев, а Магнитогорский горком в то же самое время возглавил его недавний помощник А.В. Лесков. Это позволяло не только ускорить принятие важнейших решений в правительстве, но и разрешать даже такие «мелочи», как получение средств на сохранение любительского хореографического ансамбля и возвращение бригады монтажников «Магнитостроя», которую министерство перебросило на другие стройки⁹.

Местная власть в Магнитогорске была представлена горкомом партии, городским Советом и крупными хозяйственниками, прежде всего, директором ММК и управляющим «Магнитостроя». Взаимоотношения этих ветвей власти были сложными из-за своеобразного распределения между ними обязанностей и ресурсов. Официальным органом являлся горсовет, на который возлагалось обеспечение нормальной жизни горожан, однако финансами и силами для этого он не располагал. Средств не хватало даже на текущий ремонт жилья, а планы по строительству дорог городские организации выполняли лишь на 25–30 %¹⁰. И приходилось обращаться либо прямо в правительство, либо к директору ММК Григорию Ивановичу Носову. Последний был на хорошем счету у высшего руководства, потому что, возглавив комбинат весной 1940 г., вскоре вывел его в передовики, в годы войны организовал здесь производство броневых металлов, а после успешно провел конверсию¹¹. И поскольку от ММК напрямую зависела жизнь половины магнитогорцев (от зарплаты и снабжения хлебом до жилья и культуры), а косвенно и всех остальных, то неудивительно, что Носов слыл за «хозяина» города, а южную часть Челябинской области в шутку называли Носовградской¹². Но поскольку у директора был тяжелый характер, он не терпел возражений, пресекал любую критику в свой адрес и считал советских работников бездельниками, деловых отношений между ним и горисполкомом не сложилось¹³.

Политическое управление осуществлял горком ВКП(б). Согласно Уставу партии его функции сводились к созданию местных организаций, регистрации коммунистов, руководству партийными учреждениями и печатью. На деле же, особенно в военное время, горком занимался буквально всем, подменяя Советы и полностью контролируя хозяйственников средней и малой руки. После войны в связи с «перестройкой» работы партийных органов, от них стали требовать «правильного сочетания политической и хозяйственной работы» и отказа от «мелочной опеки советских органов»¹⁴. Но в 1947 г. эта кампания сошла на нет, и горкому вновь пришлось решать массу «непрофильных» вопросов. Он контролировал выполнение заводами планов, строительство моста через Урал, выпуск научного вестника, подготовку школ к учебному году, помощь милиции, ход посевной и многое дру-

⁸ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 167. Л. 64–70.

⁹ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 20. Д. 1. Л. 188, 194; Д. 3. Л. 135; Д. 7а. Л. 101–101 об.; Оп. 21. Д. 2. Л. 68, 160.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 22. Д. 6. Л. 22.

¹¹ Кучер 2003, 221, 225, 227–231, 236–239.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 596. Л. 135.

¹³ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 20. Д. 2. Л. 15–65; Ф. П-288. Оп. 12. Д. 20. Л. 150.

¹⁴ Федоров 2005, 104.

гое. При этом штаты горкома неуклонно уменьшались: если в 1945–1947 гг. они включали 42 ответственных работника, то в 1948–1949 гг. – 35¹⁵. И если к этому прибавить дефицит подготовленных кадров и их текучку, доходившую порой до 60–70 %, то становится понятно, что горком партии в принципе не мог справиться со своими большими и столь разнообразными делами.

После войны партийные органы столкнулись еще с одной трудностью. В соответствии с нормами внутривнутрипартийной демократии возобновились отчеты и выборы комитетов, а критика и самокритика вновь стали лозунгом дня. И это доставило руководителям немало хлопот, т.к. рядовые коммунисты принялись «прокатывать» на выборах даже секретарей горкома (так, в декабре 1946 г. при тайном голосовании был забаллотирован Ф.З. Борзиков, а в январе 1948 г. – О.С. Меженный)¹⁶. К тому же коммунисты стали гораздо чаще, чем в войну сообщать в ЦК ВКП(б) о безобразиях в городе, и такие «сигналы» часто давали ощутимый результат. Например, в феврале 1948 г. строго наказали начальников «Магнитостроя», построивших себе дома за государственный счет¹⁷.

И все-таки партийное руководство Магнитогорска первое время вполне справлялось со своими задачами. Степан Маркович Пилипец (февраль 1945 г. – апрель 1946 г.) и Александр Васильевич Лесков (апрель 1946 г. – июль 1947 г.), возглавлявшие тогда горком партии, обладали для этого всеми необходимыми качествами: хорошо знали производство, имели солидный опыт партработы и были дружны с секретарем ЦК ВКП(б) Н.С. Патоличевым¹⁸. К тому же Лесков в 1931–1941 гг. работал на ММК и поэтому хорошо знал Носова и умел ладить с ним. Но в Магнитогорске Пилипец и Лесков секретарили недолго. Первый не сработался с директором ММК и по настоянию последнего его освободили от должности¹⁹, а вскоре после этого, видимо в качестве компенсации, перевели в ЦК ВКП(б)²⁰. А вот Лескова «забрал» к себе первый секретарь Челябинского обкома Александр Андрианович Белобородов, который нуждался в надежном помощнике.

Подобрать нового главу горкома оказалось непросто. Обычно подобную вакансию закрывали, выдвигая второго или третьего секретаря или присылая человека со стороны. Но в обкоме кадрового резерва не было, а имевшиеся секретари Магнитогорского горкома на первого «не тянули». Ведь С.М. Абу хоть и подвизался в партийных органах более десяти лет, по образованию был историком и склонялся к преподаванию. А О.С. Меженный, отлично знавший промышленность, наоборот, опыта партийной работы практически не имел²¹. В такой ситуации Лесков, лучше других знавший местные кадры, предложил выдвинуть парторга ЦК ВКП(б) на ММК Петра Яковлевича Кулешова. И обком утвердил неожиданного кандидата, т.к. он удачно сочетал производственный (начальник цеха на Днепропетровском коксохимзаводе и ММК) и партийный (за 5 лет побывал секретарем партбюро цеха, заместителем секретаря горкома, парторгом ЦК) опыт²².

¹⁵ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 19. Д. 76. Л. 1; Оп. 20. Д. 82. Л. 2; Оп. 21. Д. 49. Л. 8–9; Оп. 22. Д. 70. Л. 13.

¹⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 66. Д. 1743. Л. 19; Ф. П-234. Оп. 22. Д. 4. Л. 290.

¹⁷ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 22. Д. 1. Л. 85–86.

¹⁸ Коновалов 2004, 160–204; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 69. Д. 249. Л. 2, 4 об.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 596. Л. 135; ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 20. Д. 2. Л. 80–80 об.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 262. Л. 6, 98.

²¹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 69. Д. 1552. Л. 4–4 об., 17.

²² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 68. Д. 2420. Л. 2, 12, 16.

Сначала многим казалось, что Кулешов – весьма толковый руководитель. По крайней мере, сослуживцы отзывались о нем так: «Он хорошо осведомлен и хорошо разбирается во всех вопросах партийной и производственной деятельности партийной организации. Много работает сам, любит работать и предъявляет суровые требования к работникам, как аппарата горкома, райкомов, а также советских и хозяйственных органов». Но вскоре проявились «самоуверенность, превосходство над всеми остальными работниками» и он «стал игнорировать советы других товарищей по работе, перестал замечать, как его требовательность перерастает в грубость»²³. А в конце 1947 г. у Кулешова испортились отношения с директором ММК и председателем горсовета.

Поведение Носова, который месяцами не посещал бюро горкома партии и фактически игнорировал Кулешова, объяснить просто. Вопросы комбината он успешно решал и без местных органов, а к зарвавшемуся секретарю горкома испытывал неприязнь, что заметно хотя бы по его колкостям в адрес Кулешова. К тому же у директора появился союзник в лице нового парторга на ММК Николая Александровича Корнилова, который тоже не жаловал Кулешова и заодно мог составить компанию в редкие часы отдыха²⁴. А вот напряженность между первым секретарем горкома и председателем горисполкома появилась из-за обиды. Дело в том, что Петр Васильевич Корнилов еще до войны успел побывать и третьим секретарем обкома, и первым секретарем Магнитогорского горкома, а после учебы в Высшей школе парторганизаторов и заместителем председателя облисполкома. В 1942 г. он отправился на фронт и после контузии вернулся в Челябинск. Но в структурах власти места ему почему-то не нашлось, и он устроился инженером-калибровщиком на ММК²⁵. Скорее всего, причина «опалы» заключалась в том, что Корнилов был, правдорубом и поэтому начальники, в том числе Белобородов, его не жаловали. Интересно, что его даже зачислили в резерв на первого секретаря Магнитогорского горкома²⁶, но только весной 1947 г. назначили председателем горисполкома, потому как других кандидатов попросту не нашли. И тот факт, что первым секретарем горкома выдвинули менее опытного человека, наверняка возмущал Петра Васильевича. Кулешов же узнал об этом и в долгу не остался: всячески надсмехался над Корниловым, пренебрегал его мнением и выставлял в невыгодном свете перед руководством области²⁷.

Сначала такая «холодная война» мало сказывалась на работе городских властей: трудности 1946–1947 гг. остались позади и каждый из руководителей решал свои задачи в штатном режиме. Но вскоре ситуация стала ухудшаться. Ведь в конце 1947 г. в области прошла цековская проверка, показавшая помимо прочего, что у всех трех секретарей Магнитогорского горкома имеются изъяны. В частности, инспектор ЦК заметил, что Кулешов – «слабый работник, не обладает необходимыми организационными способностями, нетребователен и не в состоянии создать напряжение в работе городской парторганизации», Абу – «промышленность знает плохо, работу аппарата горкома организовать не умеет», а Меженный

²³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 68. Д. 2420. Л. 18–19.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 596. Л. 135 об.

²⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 68. Д. 2315. Л. 3–4 об.

²⁶ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 19. Д. 76. Л. 43.

²⁷ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 23. Д. 2. Л. 60; Ф. П-288. Оп. 68. Д. 2420. Л. 19.

– «слабый, безынициативный работник» и «выдвинут ошибочно»²⁸. Руководство области сумело доказать, что критические оценки преувеличены, но на всякий случай провело перестановки: С.М. Абу отправили на учёбу, назначив вместо него старого работника обкома А.А. Потребича, а О.С. Меженного, забаллотированного на конференции, заменили заместителем парторга на ММК А.К. Соловковым. Впрочем, новая команда оказалась не многим лучше прежней, ведь слишком активный Потребич пришелся не по душе первому секретарю, а Соловкову явно недоставало опыта и сноровки.

Пребывая в состоянии внутреннего и внешнего разлада, горком серьезно запустил даже такие важные дела как подбор кадров, руководство комсомолом и партийное просвещение²⁹. А осенью 1948 г. он и вовсе оказался бессилем что-либо предпринять, чтобы смягчить критическое положение с продовольствием (исчез белый хлеб, не было крупы, масла и сахара) в городе³⁰. Единственно, в чем тогда преуспели партийные чиновники, так это в поисках тех, кто задумал напрямую обратиться в правительство, полагая что «коллективному письму больше доверия, чем письмам местных органов»³¹. И кризис преодолели только благодаря Носову, который добился помощи от министерства металлургии, и правительству, которое выделило продовольствие для Магнитогорска.

Очевидная недееспособность горкома вынудила областное руководство принять «решительные» меры. Однако здесь предстояло разрешить непростую дилемму. С одной стороны, Кулешов был «своим» человеком, поддерживал все инициативы Челябинского обкома, вместе с другими верными людьми создавал нужный настрой на партийных мероприятиях, да и с обязанностями справлялся не намного хуже остальных. И с точки зрения Белобородова строго наказывать его не стоило. Но с другой стороны, требовалось показательно «выпороть» горком, чтобы снизить накал критики снизу и заодно продемонстрировать ЦК ВКП(б) приверженность основам внутривластной демократии. Поэтому уже в ноябре 1948 г. магнитогорские события вынесли на обсуждение пленума обкома партии, но саму дискуссии организовали так, чтобы отвести удар от Кулешова. Для этого вопрос о работе горкома поставили под самый конец пленума, когда присутствовавшие устали и не хотели вникать в суть дела. К тому же акцент с ошибок горкома сместился на недостатки в торговле и ЖКХ, за которые отвечал горсовет, поэтому виновником всех затруднений неожиданно для всех оказался Корнилов³². Выставить его в такой роли было несложно, поскольку он совершил «политическую» ошибку: честно поведал рабочим, что его просьбы к Сталину о выделении продовольствия городу остались без ответа, а приказ добавлять примеси в хлеб исходил от правительства³³.

Пленум, прошедший по заранее составленному плану, позволил в какой-то степени смягчить скандал вокруг Магнитогорска. Но главным испытанием для обкома и горкома стала XII городская партийная конференция, прошедшая 19–20

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 127. Д. 1700. Л. 126.

²⁹ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 22. Д. 1. Л. 12; Ф. П-288. Оп. 12. Д. 21. Л. 11–12, 19–21, 31–32, 150–159; Д. 28. Л. 24–28.

³⁰ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 22. Д. 6. Л. 59–60, 70 об.

³¹ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 23. Д. 15. Л. 90.

³² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 19. Л. 13–18.

³³ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 68. Д. 2315. Л. 17–18.

февраля 1949 г. Ведь местные коммунисты были настроены на то, чтобы «прокатить» зарвавшегося Кулешова, а открыто подавить их недовольство не позволяло присутствие инспектора ЦК ВКП(б). Поэтому руководству обкома пришлось проявить все свое умение и применить весь набор методов, которые позволяли нейтрализовать непредсказуемую внутрипартийную демократии. Во-первых, обком партии на конференции представлял сам Белобородов, хотя обычно приезжал менее авторитетный второй секретарь. Во-вторых, Кулешов был на удивление самокритичен, озвучил недостатки горкома и признал свои личные ошибки, чем произвел на делегатов благостное впечатление. В-третьих, в прениях приняли участие люди, так или иначе связанные с руководством города и области. Например, председатель Сталинского районного исполкома И.С. Нефедов был приятелем Кулешова, партторг ЦК на ММК Н.А. Корнилов – креатурой Белобородова, а управляющий «Магнитостроем» М.Е. Гуревич, которого ругали за плохую работу, возможно, согласился помочь в обмен на сохранение ему должности. Эту игру невольно поддержала даже секретарь Кировского райкома партии З.И. Сочнева, которая не выносила Кулешова, но еще больше была недовольна горсоветом. Все они обошли вниманием горком, зато описали недочеты горисполкома. А Корнилов, будучи человеком горячим, пылко отверг все обвинения, расписал свои достижения и обвинил Кулешова в бессистемном руководстве, неуважении к критике и разгоне старых кадров³⁴. Но «забыл» признать свои ошибки, что вкупе с мелочными придирками вроде отобранного у исполкома единственного автомобиля, вызвало у делегатов явное отторжение.

Под самый занавес конференции Белобородов подвел итоги обсуждения и оповестил делегатов об освобождении Корнилова от должности. Но в списке кандидатов в члены горкома партии уже бывшего председателя горисполкома оставили. Потому что руководство области, желая доказать столичному гостю свою приверженность внутрипартийной демократии, впервые за несколько лет устроило альтернативные выборы. Для этого в список голосования, в котором количество кандидатов равнялось количеству будущих членов горкома, внесли еще одного, лишнего кандидата. А чтобы в ходе выборов не «вылетел» нужный человек, как раз и понадобился такой заведомо провальный претендент, каким был Корнилов. И результаты тайного голосования полностью оправдали такой расчет. Ведь больше всего голосов «против» получил Корнилов (108 из 307 или 35 %), а следующим после него был Кулешов (59 голосов «против» или 19 %)³⁵.

Казалось бы, после такой конференции, прошедшей на грани провала, и Кулешову, и его покровителям следовало всерьез заняться Магнитогорском. Но Белобородов и Лесков весной 1949 г. были озабочены скандалом вокруг Челябинского Кировского завода, а секретари горкома настолько расслабились после февральского «триумфа», что перестали заниматься не только текущими делами, но даже мероприятиями, спущенными сверху. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить, что они даже не удосужились обсудить постановление СМ СССР от 20 января 1949 г. «О мероприятиях по жилищно-коммунальному и культурно-бытовому

³⁴ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 23. Д. 2. Л. 72–136.

³⁵ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 23. Д. 3. Л. 216–220 об., 237–237 об.

строительству в г. Магнитогорске»³⁶. И неудивительно, что очередные проблемы, обрушившиеся на горком в мае–июне 1949 г., вновь «парализовали» его.

Сначала Кулешов прошляпил ходатайство рабочих доменного цеха ММК о смягчении наказания бухгалтеру цеха, заслуженно получившему за хищения 8 лет лишения свободы. Проблема заключалась в том, что столь неуместную народную инициативу поддержала не только цеховая первичка, но и райком, а в горкоме о ней узнали только благодаря обкому. Причем Кулешов так медлил с проведением разъяснительной работы и наказанием провинившихся, что обком сам взялся за это рутинное дело, указав ему на «аполитичное поведение» и «медлительность»³⁷. А неделю спустя, 23 мая, от работы освободили секретаря Магнитогорского горкома по пропаганде А.А. Потребича, который якобы плохо воспитывал сына³⁸. Трудно сказать, чем именно был вызван этот кульбит – желанием Кулешова заменить неудобного коллегу, или же попыткой обкома продемонстрировать свою щепетильность в кадровых вопросах, – но горком, и без того не блиставший работоспособностью, надолго лишился одного из трех руководителей. Наконец, в начале июня, после тщательных проверок на чистую воду вывели комсомольских вожаков Магнитогорска, растративших немалые по тем временам суммы. Сведения о злоупотреблениях этих работников давно лежали в горкоме, но доверие Кулешова, основанное на дружеских отношениях и совместных застольях, позволяло им избегать наказания. И только весной 1949 г., когда преступления стали слишком заметными и могли обернуться грандиозным скандалом, горком взялся за «комсомольцев»: виновных сняли с должностей, исключили из партии и отдали под суд³⁹.

Конечно, Челябинский обком ВКП(б) не мог пройти мимо целой череды упущений и безобразий, творившихся в Магнитогорске. Поэтому в начале июня на закрытом заседании бюро обсудили поведение Кулешова – его грубость к работникам горкома, склонность к единоличным решениям, продвижение приятелей на ведущие посты в горсовете, – а также его затянувшуюся вражду с директором ММК. В итоге приняли довольно странное решение: Кулешова от должности освободить, но сделать это позже, на следующей городской партконференции⁴⁰. И к такому странному решению секретари обкома пришли неспроста. Ведь именно в то время в Челябинске находилась комиссия ЦК ВКП(б), проверявшая компромат на директора Челябинского Кировского завода И.М. Зальцмана. И в такой ситуации придавать огласке положение дел в Магнитогорске было чревато ненужными осложнениями. К тому же Кулешов, несмотря на все прежние промахи, оставался для Белобородова и Лескова «своим» человеком, и мог пригодиться в дальнейшем.

Однако надежды и расчеты челябинского руководства не оправдались. В конце июня – начале июля «Дело Зальцмана» приняло самый неблагоприятный оборот: директора завода-гиганта сняли с должности, Лескова, защищавшего его в

³⁶ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 23. Д. 6. Л. 3–58; Д. 10. Л. 1–61.

³⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 58. Л. 3–5, 26.

³⁸ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 60. Л. 13–15.

³⁹ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 23. Д. 8. Л. 88–89, 130–132.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 485. Л. 207; ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 24. Д. 2. Л. 63; Ф. П-288. Оп. 14. Д. 2. Л. 34, 161.

ЦК ВКП(б), отчитали, а Белобородова, находившегося в отпуске, вызвали в Москву для объяснений⁴¹. Заодно через ЦК ВЛКСМ до ЦК ВКП(б) дошли сведения о безобразиях, творившихся в комсомольских организациях области, в том числе и в Магнитогорске⁴². В записке, которую Н.А. Михайлов направил Г.М. Маленкову, помимо всего прочего значилось, что «бюро Магнитогорского горкома ВКП(б) за последний год не обсуждало ни одного вопроса о работе комсомольских органов», а его глава «потерял партийную принципиальность в решении вопросов, проявляет недопустимую грубость к активу, окружил себя подхалимами»⁴³. Поэтому Белобородову пришлось отчитываться не только за Зальцмана, но и за Кулешова. И он уже не рискнул, как это было в 1948 г., заступаться за подчиненного.

В критической обстановке и челябинские, и магнитогорские начальники бросились экстренно исправлять свои ошибки. Например, обком наконец-то обратил внимание на то, что горком совершенно не контролирует реализацию постановлений правительства, не занимается высшими учебными заведениями и к тому же «протащил» на ответственные должности неподходящих людей⁴⁴. А в конце августа, во избежание очередного скандала поспешил снять с работы секретаря горкома по кадрам А.К. Соловкова и объявить ему строгий выговор с предупреждением за «недостойное поведение»⁴⁵. В свою очередь горком, в котором из руководителей остался только Кулешов, принялся наводить порядок в комсомольских организациях, улучшать торговлю хлебом в городе и снимать «негодных» работников⁴⁶. Но все эти усилия уже не могли отсрочить и тем более исключить неизбежный финал.

Чтобы как-то загладить свою ошибку Белобородов в конце августа направил в ЦК ВКП(б) предложение о снятии Кулешова с работы. Однако выдвигать нового кандидата он не рискнул: проблем в городе хватало, а подходящих людей не было. Однако 12 сентября 1949 г. ЦК ВКП(б) проявил неожиданную милость: П.Я. Кулешов без каких-либо взысканий был освобожден, а не снят с должности, и вместо него назначен инструктор Отдела партийных, комсомольских и профсоюзных органов ЦК ВКП(б) Г.С. Павлов⁴⁷. Еще через две недели Белобородов довел решение высшего органа партии до членов Магнитогорского горкома. На пленуме он признался, что в обкоме «не сумели до конца вскрыть ошибки горкома» и «затянули» с освобождением секретарей «примерно на месяц», и предложил магнитогорцам вскрыть ошибки прежнего руководства⁴⁸. Однако его призыв особого энтузиазма не вызвал: из 64 участников пленума в прениях выступило лишь семеро, причем все они предпочитали критиковать парторга ЦК ВКП(б) на ММК Н.А. Корнилова и директора Г.И. Носова, не трогая П.Я. Кулешова. Ведь настоящий разбор его поступков наверняка бы обернулся критикой секретарей обкома, положение которых в сентябре 1949 г. казалось еще прочным. Зато сам Кулешов признал все свои грехи и пообещал: «На какую бы работу меня ни направи-

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 448. Л. 124–125.

⁴² РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 3. Д. 600. Л. 6–8.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 467. Л. 23–24.

⁴⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 82. Л. 25–29; Д. 86. Л. 21–26; Д. 167. Л. 64–70; Д. 271. Л. 42–44.

⁴⁵ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 101. Л. 10–11.

⁴⁶ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 23. Д. 8а. Л. 143; П-288. Оп. 69. Д. 2045. Л. 5–16.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 522. Л. 25–26.

⁴⁸ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 23. Д. 6. Л. 93–106, 108–109.

вили, впредь таких ошибок не допущу»⁴⁹. В тот день его партийная карьера завершилась, но дальнейшая судьба сложилась благополучно: он вернулся на родную Украину, работал на Запорожском коксохимзаводе сначала начальником цеха, а затем в 1954–1968 гг. директором, и даже защитил кандидатскую диссертацию⁵⁰.

В отличие от Кулешова секретари обкома не стали публично признавать свои ошибки и вообще попытались замолчать «магнитогорское дело». Ни на партийных мероприятиях, ни в местной прессе никаких подробностей о нем не сообщалось. И тем самым Белобородов и Лесков еще больше навредили себе. Ведь нашлось немало таких, кто посчитал, что виновники безобразий остались без должного наказания, поэтому в высшие инстанции хлынул поток заявлений на бывших и оставшихся руководителей. Самым резонансным из них оказалось письмо бывшего заместителя директора ММК Я.А. Козлова об упущениях и злоупотреблениях Г.И. Носова. Приведенные в письме факты, в том числе и то, что Лесков по просьбе Носова «убрал» Козлова с комбината, подтвердились и в январе 1950 г. хозяйственнику пришлось давать объяснения в ЦК ВКП(б)⁵¹. Но важнее было то, что молчание областных руководителей наверху восприняли как отсутствие самокритики и нежелание делать необходимые «политические выводы» из факта «освобождения от работы трех секретарей горкома в крупнейшей партийной организации области». Поэтому в январе 1950 г. этот недостаток оказался вторым в длинном перечне претензий, предъявленных Челябинскому обкому партии и ставших поводом для отстранения от работы его секретарей⁵².

Замена всего партийного руководства города породила у магнитогорцев вполне понятные надежды на скорое улучшение жизни. Тем более что горком возглавил работник ЦК, человек по определению опытный и энергичный, а количество секретарей возросло до четырех, что позволяло охватить больше дел. Но с приходом новой команды заметных изменений в работе комитета не произошло. Ведь все секретари за исключением А.Е. Залавина были «варягами» (Г.С. Павлов из ЦК, П.Н. Губкин из Миньярского райкома, В.А. Зубова из обкома) и в местной специфике не разбирались. Большую часть времени они сидели в кабинетах, с рядовыми коммунистами общались мало, да и друг с другом ладили не всегда. За все это их нещадно критиковали на отчетно-выборной конференции, состоявшейся в феврале 1950 г. И все, кроме Павлова, которого выручило цеховское прошлое и высокий пост, на выборах горкома получили немало голосов «против»⁵³.

В 1950 г. состав Магнитогорского горкома вновь обновился – Павлов стал вторым секретарем обкома, а Зубову перевели в другой город, – и теперь трое из четырех секретарей оказались магнитогорцами (И.Л. Баханов, А.Е. Залавин и А.И. Хрусталеv). К тому же горком возглавил П.Н. Губкин, который прежде успешно руководил разными металлургическими заводами страны. Одним словом, этот команда казалась более подходящей. Но вскоре выяснилось, что занимаясь промышленностью, секретари позабыли об остальных делах, что у них «отсутствует необходимая живая связь с первичными парторганизациями», а Губкин зазнался

⁴⁹ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 23. Д. 6. Л. 80.

⁵⁰ ГА РФ. Р-9506. Оп. 107. Д. 7335. Л. 79–79 об.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 596. Л. 131–135 об.; Д. 705. Л. 4–11.

⁵² Хлевнюк 2004, 241.

⁵³ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 24. Д. 2. Л. 115–117, 122–130, 139–150, 160–167, 172–177, 226–228.

и неправильно реагирует на замечания⁵⁴. К тому же именно он необдуманно действиями усугубил конфликт между новым директором ММК А.Ф. Борисовым и управляющим «Магнитостроя» М.Е. Гуревичем. И если учесть, что Губкин нередко грубил и игнорировал чужое мнение, то станет понятно, почему от конференции к конференции его ругали все чаще и резче. И особенно сильно ему доставалось за «гладкие», бессодержательные доклады, которые кое-кто даже сравнил с диалогами Штепселя и Тарапуньки⁵⁵.

Показательно, что обком мало обращал внимания на то, что происходило в Магнитогорском горкоме. Изредка его секретарям, как то было летом 1951 г., указывали на «отдельные недостатки» или же вызывали на приватные беседы, но не более того. И связано это было не только с тем, что комбинат в последние «сталинские» годы работал успешно, а снабжение города заметно улучшилось, и, следовательно, явных провалов в работе горкома не было. Секрет заключался в том, что члены бюро горкома, несмотря на свое скептическое отношение к Губкину, предпочитали не распространяться о его «недостатках» и фактически покрывали его⁵⁶. К тому же у него, как прежде у Кулешова, имелся покровитель в лице второго, а затем и первого секретаря Челябинского обкома Н.В. Лаптева. Именно он, памятуя еще довоенное знакомство с Губкиным, сначала защищал «магнитогорца», а когда недовольство местных коммунистов стало расти, то в марте 1953 г. устроил показательный пленум обкома, точь-в-точь как когда-то Белобородов. Однако и на этот раз «хитрость» не дала результата, поскольку на последовавшей вскоре городской партконференции Губкин получил «против» 70 голосов из 390 (17,9 %) и удержался только благодаря негласной поддержке обкома⁵⁷. Лишь когда сведения о недостойном поведении Павлина Николаевича в декабре 1953 г. достигли ЦК КПСС, обком партии немедленно снял давно скомпрометированного секретаря и публично признал свою нерасторопность по отношению к нему⁵⁸. И, пожалуй, только это позволило руководству области избежать почти полного повторения скандала 1949 г.

Подводя итог исследованию, следует отметить, что «магнитогорское дело» 1949 г. стало возможным из-за типичных для послевоенного времени проблем в работе местных партийных органов. Наиболее острыми из них были дефицит кадров, отсутствие нормального взаимодействия с хозяйственниками и советскими органами, а также огромный объем работы, справляться с которым попросту не было сил. Положение партийного руководства осложняла также возросшая в связи с восстановлением внутривнутрипартийной демократии активность масс, для нейтрализации которой приходилось прибегать к зажиму критики и разного рода выборным технологиям. И в такой ситуации одним из выходов, позволявших заметно снизить риски, оказалось выстраивание и использование личных (патрон-клиентских) связей, позволявших получать поддержку сверху, налаживать отношения с другими «ветвями» власти и прикрывать неизбежные провалы в работе. Как показал опыт Магнитогорского горкома ВКП(б), такая система давала эффект

⁵⁴ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 15. Д. 63. Л. 180–187.

⁵⁵ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 32. Д. 5. Л. 125–126.

⁵⁶ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 34. Д. 15. Л. 40–42, 79–81.

⁵⁷ ОГАЧО. Ф. П-234. Оп. 33. Д. 5. Л. 201–203.

⁵⁸ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 18. Д. 23. Л. 3–4, 47–126; Ф. П-234. Оп. 34. Д. 15. Л. 1–91.

при наличии у местного руководства покровителей как на региональном (А.А. Белобородов и А.В. Лесков), так и высшем уровне власти (Н.С. Патоличев). И если последнее звено по конъюнктурным причинам выпадало, надеяться на помощь центра и скрывать практически неизбежные ошибки и недостатки на местах становилось практически невозможно.

Уникальность «магнитогорского дела» состоит в том, что ключевую роль в нем сыграли чрезвычайная халатность местного партийного руководства и ряд случайностей, из-за которых типичные злоупотребления привлекли слишком пристальное внимание вышестоящих органов. К тому же, несмотря на локальный масштаб, это «дело» в совокупности с другими скандалами («дело Зальцмана», «дело челябинского комсомола») способствовало раскручиванию «челябинского дела», из-за которого в начале 1950 г. должностей лишилось почти все партийное руководство области. Наконец, рассмотренное событие уникально и тем, что через несколько лет после 1949 г. оно вновь повторилось в Магнитогорске вплоть до мельчайших деталей. И этот факт доказывает, что балансирование между снисходительным отношением к местным кадрам, с которыми были установлены личные связи, и жесткими мерами к ним, которые принимались только под давлением сверху, являлось одним из неперемennых условий успешной деятельности регионального партийного руководства в период «позднего сталинизма».

ЛИТЕРАТУРА

- Ваксер, А.З. 2012: «Ленинградское дело». *Итоги изучения и новые аспекты*. СПб.
- Галигузов, И.Ф., Чурилин, М.Е. 1978: *Флагман отечественной индустрии*. М.
- Генин, С.Я. (отв. за вып.) 1956: *Народное хозяйство СССР. Статистический сборник*. М.
- Запарий, В.В. 2001: *Черная металлургия Урала. XVIII–XX века*. Екатеринбург.
- Коновалов, А.Б. 2004: *История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991)*. Кемерово.
- Костырченко, Г.В. 2003: *Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм*. М.
- Кучер, В.Н. 2003: *Магнитка – это навсегда. Ч. 1. Дела и судьбы сталинских директоров*. М.
- Лейбович, О.Л. 2008: *В городе М. Очерки социальной повседневности советской провинции в 40–50-х гг.* М.
- Пыжиков, А.В., Данилов, А.А. 2002: *Рождение сверхдержавы. 1945–1953 годы*. М.
- Соболев, Д.А. 2000: Репрессии в советской авиапромышленности. *Вопросы истории естествознания и техники* 4, 44–58.
- Сушков, А.В. 2011: Власть и коррупция: руководство Красноярского края и дело о хищениях продукции на Красноярском заводе плодово-ягодных вин (1949 г.). *Уральский исторический вестник* 3, 89–95.
- Федоров, А.Н. 2005: Перестройка партийных органов Урала в 1948–1949 гг. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки* 7, 104–107.
- Хлевнюк, О.В., Горлицкий, Й. 2011: *Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры*. М.
- Хлевнюк, О.В. (ред.) 2004: *ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953*. М.

- Fedorov, A.N. 2005: Perestrojka partijnyh organov Urala v 1948–1949 gg. *Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki* 7, 104–107.
- Galiguzov, I.F., Churilin, M.E. 1978: *Flagman otechestvennoj industrii*. Moscow.
- Genin, S.Ja. (otv. za vyp.) 1956: *Narodnoe hozjajstvo SSSR. Statisticheskij sbornik*. Moscow.
- Hlevnjuk, O.V. (red.) 2004: *CK VKP(b) i regional'nye partijnye komitety. 1945–1953*. Moscow.
- Hlevnjuk, O.V., Gorlickij, J. 2011: *Holodnyj mir: Stalin i zavershenie stalinskoj diktatury*. Moscow.
- Konovalov, A.B. 2004: *Istorija Kemerovskoj oblasti v biografijah partijnyh rukovoditelej (1943–1991)*. Kemerovo.
- Kostyrchenko, G.V. 2003: *Tajnaja politika Stalina. Vlast' i antisemitizm*. Moscow.
- Kucher, V.N. 2003: *Magnitka – jeto navsegda. Ch. 1. Dela i sud'by stalinskih direktorov*. Moscow.
- Lejbovich, O.L. 2008: *V gorode M. Ocherki social'noj povsednevnosti sovetskoj provincii v 40–50-h gg*. Moscow.
- Pyzhikov, A.V., Danilov, A.A. 2002: *Rozhdenie sverhderzhavy. 1945–1953 gody*. Moscow.
- Sobolev, D.A. 2000: Repressii v sovetskoj aviapromyshlennosti. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tehniki* 4, 44–58.
- Sushkov, A.V. 2011: Vlast' i korrupcija: rukovodstvo Krasnojarskogo kraja i delo o hishhenijah produkcii na Krasnojarskom zavode plodovo-jagodnyh vin (1949 g.). *Ural'skij istoricheskij vestnik* 3, 89–95.
- Vakser, A.Z. 2012: «Leningradskoe delo». *Itogi izuchenija i novye aspekty*. Saint-Petersburg.
- Zaparij, V.V. 2001: *Chernaja metallurgija Urala. XVIII–XX veka*. Yekaterinburg.

«MAGNITOGORSK CASE» IN 1949: ACTIVITY OF LOCAL PARTY BODIES IN THE POST-WAR PERIOD

Aleksey N. Fedorov

Chelyabinsk State University, Russia,
alnikfedorov@yandex.ru

Abstract. The article examines the working conditions of local party bodies in post-war period. The case of Magnitogorsk city committee of VKP(b) shows that the main problems were the staff shortage, a large amount of work and activity of communists. In these conditions, recruitment by acquaintance and personal relationships with supreme management allowed to minimize inevitable errors and omissions. However, permutation in the supreme management along with the negligence of local authorities led to the fact that neglect of party work in Magnitogorsk became public. Simultaneous appearance of «Magnitogorsk case» with «Zaltzman's case», caused the replacement of the party leadership of the city and also Chelyabinsk region.

Key words: post-war period, Magnitogorsk city committee of VKP(b), Chelyabinsk regional committee of VKP(b), Central Committee of VKP(b), A.A. Beloborodov, N.S. Patolichev, G.M. Malenkov